

12+

НИКОЛЬ-ЯНОВСКАЯ

Женитьба француза

Николь-Яновская

Женитьба француза

«Издательские решения»

Николь-Яновская

Женитьба француза / Николь-Яновская — «Издательские решения»,

Письмо с предложением руки и сердца, отправленное в Россию в пьяном угаре, переворачивает жизнь простого француза Annil. Ему предстоит незапланированная свадьба с незнакомкой, но он видит в этом совсем другое. Комедия рассказывает о жадности, абсурде и о том, что любовь находит тех, кто её не ищет.

Содержание

Женитьба француза	6
Часть 1	7
Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Женитьба француза

Николь-Яновская

Редактор Герберт Длиннов

Дизайнер обложки Николь — Яновская

© Николь-Яновская, 2026

© Николь — Яновская, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3848-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Женитьба француза

Действующие лица:

Appil (Анниль) — француз, жених.

Мари — русская девушка, невеста.

Генри — отец Мари, тесть.

Marcel (Марсель) — слепой проводник жениха.

Fifi (Фифи) — служанка жениха, остра на язык.

Кучер — везёт жениха, молчаливый, но мудрый.

Гости:

Брат Пустомёлов — вечный спорщик.

Сестра Пустомёлова — вечная спорщица.

Пётр — сосед тестя.

Лексей Лексеич — глуховатый старик.

Antoine (Антуан) — козлик, любимец кучера.

Часть 1

Предисловие

Мы гордость носим, как пальто,
Хоть давит, жмёт — а не снимаем.
Мы ищем выгоды, но кто
Подскажет нам, что мы сгораем?
Решаем, что возьмём своё,
Обманем, скроем тишиною,
А что внутри у нас? Враньё
Мы называем лишь игрою.
И верим: всё сойдёт с рукой,
И совесть будет спать спокойно,
Но кто играет с пустотой,
Тот проиграет. Это больно.
А там, что за окном — не видим,
Нам главное — карман набить,
И мы, слепые, тут же выйдем
Туда, где могут нас убить.
Так мы живём. В своей броне,
В плену у гордого мечтанья,
Но кто-то там, на стороне,
Даёт нам шанс на пониманье
И тихий сон, и в тишине...
Позвольте ж, Гости, слово мне!
Придётся вам всё объяснять.
Я — автор пьесы. И со мной
Всё, что увидите — подстать,
Хоть дело здесь, не за горой.
А дело было в те года,
Когда французы в моде были,
Но моды эти — ерунда —
Всех русских девушек сгубили.
Мечтали выйти за посла,
За графа, герцога, маркиза,
А выходили — как всегда —
За тех, кто строит им капризы.
Кто деньги любит, а не их,
Кто смотрит в сторону, не видя,
Что рядом — ангел, но не тих,
Который их возненавидит.
А вы, мой Гость, наверное, в начале
Не поняли, над чем мы хохотали?
И что же дальше? Так-так-так...
Начнём, пожалуй! Что ж... Итак!

Глава 1

А всё — с письма. Издалека.
Конверт, внутри — четыре слова:
«Беру. Согласен. Жду. Пока»
И снизу: «Честь. И ничего иного.»
Лишь только адрес был не русский.
На что письмо в глуши? Кому?
Конверт изящный. Он французский,
Он пахнет небом. Посему
Скажу Вам — он летит куда-то,
Где небом пахнет только небо,
Где нету слаще аромата,
Чем дым от печки и от хлеба.
К чему? Да так. Письмо, наверно,
Пришло куда-то. Знать бы Вам,
Что там, где пахнет хлебом (скверно),
Жила-была одна Madame...

Она была тиха, как вечер,
И пахла солнцем и травой,
И говорили — издалече
В ней кровь текла земли иной.
Она французские мотивы
Дочурке пела у огня,
Но век её, увы, не длинный:
Ушла, огонь свой сохраняя.
И с той поры отец растит
Дитя, не зная женских рук,
И втайне всё мечтал простить
Судьбу, что разлучила вдруг.
Он дочь свою, как мать, не губит,
Но хочет ей найти того,
Кто, может, Францию полюбит
Хоть через сердце одного...

В глуши, где даже гуси спят,
Где люди — как один чужак,
Где сушек в лавке целый ряд,
Жил как-то, где-то, кое-как
По виду — барин. Он был нудный,
(И нет, не барин, просто жил)
Отец, в уме не слишком скудный,
Но дочку, как умел, растил.
И в той деревне, у реки,

Где каждый вечер рыбаки,
Где рвут давно календари
Жил как-то Генри и Мари.
Он сам — чужак, каких не счесть,
Любил газеты, соль и лесть,
Ведь в той деревне все так жили:
Здесь только тем и дорожили,
Что пьяной дракой до зари,
И теми, кто даёт рубли.
Он дочь не бил, не запирали,
Но и не слушал. Только ждал,
Когда же кто-нибудь придёт,
Её вдруг в жёны заберёт.

Мари же — в стороне. Она
Не то чтоб хуже, но другая.
Ей нудны пляски. Тишина
Её милей, чем жизнь благая.
Подруги шьют, пекут, прядут,
Смеются, сплетничают, врут,
Её считают странной, тихой,
(С приветом, что ли, не в себе)
А ей не нужно лишней лихо
Чужих забав. Сидит в избе.
Всех замуж выдали. Чья воля —
Кто в лес, кто в дальние края,
А вот Мари — плохая доля
Досталась, и не знаю я,
Чего ждала она. И вот,
Всё, как всегда, под поворот.
Сидела и топила печку,
Ждала давно вестей от тётки,
И жизнь казалась бесконечной,
Когда бы не было находки...

— «Ой! Папа, папа! Тут письмо!
И безымянное! Вот да!»

— «Опять на город наш клеймо?»

— «Да нет же! Нет, не клевета!
Ну хватит уж глядеть в окно!
Нам пишут письма! Вот оно!»

Отец схватил конверт, и к свету
Поднёс его, понюхал, в раз
Поверил, вымолвив: «При этом
Скажи-ка, дочка, там про нас?
Дай гляну! Что там? От кого?
Я так читаю — не моргну!
Письмо французское... Ого!
А я-то думал — врут. Ну-ну...»

— «Отец, ты что, читать умеешь?
Моё! Отдай! Да как ты смеешь!

Жених мне пишет! А тебе
Всю жизнь сидеть в своей избе!»

Отец задумался. Жених?
С чего же дочь его взяла,
Что дома ждёт он всё чужих?
Неужто потому прочла?

— «А что? Мне хватит! Это зять!
Француз? Ну, что ж, отлично!
Я сам француз! Ну, может, мать
Была чуть-чуть... Но лично
Русский я, но был, смотри:
В Париже и в Бордо, в Марселе.
Ему — хвала, а ты, Мари,
Сыграем свадьбу мы в апреле!»

Такую речь сказал отец,
И удалился наконец.
Мари осталась. Вот беда!
Письмо на столике, чернила.
Она читать умела, да
Совсем французский не учила.
Но так уж вышло: в их глуши
Учитель был один (дурак),
«Читай, — сказал, — от всей души»,
А сам не знает, что и как,
А только курит с нею рядом.
Она и по-французски взглядом
Умеет буквы различать,
Сложить в слова, прочесть, как надо,
Но что прочла — не разгадать.

Что прочитала — вот награда,
Но надо ж написать ответ:

«Monsieur, спасибо за конверт!
Я жду. Согласна. Приезжайте.
Но лишь, молю, не напугайте
Вы папу Генри моего.
Он так, немного... Ну, того.
Пока! С глубоким уваженьем!
Ответ доставлю вам мгновеньем,
И доме нашем хватит места!
Жду, не дождусь! Твоя невеста.»

Глава 2

А Вы, мой Гость, спросить хотите:
Что ж это за француз такой?
И почему его вините?
Он жив хотя бы? Иль больной?
Скажу Вам честно: Жив, здоров,
Храпит в Париже, в доме старом,
Глядит десятки пьяных снов,
И жизнь его не льётся даром.
А жизнь его — она в разгроме,
В бутылках, в хламе, в пустоте.
Сейчас увидите, как в доме
В каком он спит, когда и где.

Начнём с порога: тут — башмак,
А в нём — вчерашняя газета.
На ней — пятно, и в нём — табак,
А рядом — чья-то сигарета.
Идёмте дальше: шкаф открыт,
Из шкафа — вещи, как из бездны,
Пиджак на вешалке висит,
Но пуговиц и нет, любезный.
А на столе — бутылка, две,
Одна пуста, а во второй, на дне,
Осталось что-то. Там записка:
«Ну, хорошо. Но слишком низко».
А под столом ещё бокал,
А телевизор — сериал.
(Он — ящик с линзой и усами.
Который год? Решайте сами)
Диван. А на диване — он.
Француз, но спит, почти убитый.
То ли и правда, то ли сон,
А рядом вот — бокал разбитый.

Не разбудить его. А тут
Fifi, служанка, дочь графини,
Бранит гостей с утра: «Придут...»
И тотчас — в дверь. Она отныне
Как за ребёнком. Всё убрать,
Укрыть, поправить, чтоб не мёрз,
А перед сном ему читать
Про королей, принцесс и звёзд.
Читала тихо, хмуря бровь,

Про то, что счастье не в деньгах.
Она твердит: «Во всём любовь!»
А он храпит — аж звон в ушах.
Француз во сне держать не мог —
Явилась дама на порог,
И запищала громко, точно:

— «Monsieur! Проснитесь! Очень срочно!
Там говорят... Что там согласна!»

— «Согласна? Мне? Скажи, на кой?
Уйди! Я спать хочу ужасно.
Согласна, видишь... Мне б покой.
И ничего не указал...
Но, кажется, кому-то написал!»

Француз вскочил, свалив диван,
И закричал: «Вино! Матап!»

— «Просила я вас в комнате убрать,
Но, кажется, вы вляпались опять!
Ты пьян был! Пьян! А тут — невеста!
О Господи! Не вижу места!
Вы ж без присмотра! Я спала!
А тут уж свадьба! Во дела!»

Француз застыл, стоит, весь бел:

— «Я и подумать не успел,
А уж, похоже, правда... Да уж...
И что теперь? Кого же замуж?»

Он смотрит строго на конверт,
И тут, не думая, хватает,
И разрывает, как мольберт,
Глядит, по-русски он читает.
Один раз. Два, как при луне.
Служанка шепчет: «Ну, негусто...».
А он — то бледен, то в огне,
То заикается, но пусто.

— «Какая свадьба?.. Что за вздор?
Я ничего не помню... Боже!
Вчера я пил! И разговор...
Был, был о чём-то! Ну, и что же?
Зачем? Я написал „Беру“!
Кому? Когда? Я в самом деле
Решил жениться на ветру?
На русской?! На... Чтоб вы сгорели!»

— «Monsieur, не плачьте! Всё путём.
А свадьба — это счастье!
Ну, мы же сами тут вдвоём
Исправить можем! Всё участие.»

Француз не слушает её,
И всё твердит, твердит своё:

— «Я плачу... Господи, я плачу!
Жених! Француз! А слёзы льёт!
Вот неудача, вот задача!
Я пьяный — и женат! И вот
Теперь я должен ехать к ним?
Чужим, смешным и не моим?
Ах, проживу ли я два дня?..

Ну, что же, что же вы стоите?!
Fifi, ma chère, оставьте вы меня!
И дверь с той стороны закройте!»

Француз остался. Тишина.
Лишь где-то за стеной — сверчок.
В руках — письмо, и в нём — она,
А слово каждое — щелчок.
Он смотрит в строчки, в этот бред,
Кривляясь, как на сцене шут:

— «Monsieur, спасибо за конверт!»
Ну надо ж! Выдумала тут!»

Вскочил опять, идёт к окну,
Глядит во тьму, но видит свет.

— «Как я посмел? И почему?
Ведь я не помню! Десять лет
Я был один. И тут — конверт.

Невеста, тесть, какой-то дом...
И свадьба, песни... А потом?
Он головой качает: — Бред!
Какой конверт? Какое счастье?
Я пьян был! Пьян! И вот те, здарсьте —

Жених! Невеста! Папа-тесть!
А мне-то что? Где мне присесть?
Я ничего не помню! Нет!
А тут уж пишут мне ответ!»

Идёт по комнате, босой,
Ногою о бутыл, свалился на диван,
Задел тарелку с колбасой,
Поймал её, пища: «Матап!»,
Как будто нет другого слова.
И ставит вновь, садится снова
Теперь уж на пол, головой
Касаясь пыльного ковра.

— «А может, это не со мной?
А может, мне вчера... вчера
Всё показалось? Был ли я?
Была ль она? И есть ли там,

В России той, где ждут меня,
Хотя бы кто-то? По домам
Пойти бы, лечь и всё забыть...
Но нет. Придётся дальше жить...»

Потом в письмо опять глядит.
Вздыхает, хмурится сурово,
И, чуть не плача, говорит,
Едва споткнувшись об пол снова:

— «А вдруг я там ещё чего
Напьяну брякнул? Вдруг — „люблю“?»

Вдруг обещал ей? Ну, того...
Ах, как же так! Я погублю!»

Встаёт, идёт к столу, берёт
Перо, листок. Дрожит рука.

— «Я объяснюсь ей. Всё пройдёт.
Я извинюсь издалека.
«Ma chère, прошу простить,
Я не в себе был, не хотел.
Я не умею так любить...
Я не жених... приданое...» — присел.

Опять встаёт он в темноте,
Глядит на хлам, на пустоту.

— «А что, коль это всё не те
Слова, что я сейчас прочту?
А вдруг в словах не то я вскрыл?
А вдруг невеста не играет?
А вдруг отец предположил,
Что он совсем не зря страдает?
Подумать мне бы только... Эх!
У них, наверно, как у всех
Есть деньги? Так-то и бывает!
Отец приданье обещает,
Невеста — дом, а мы — семья.
А я-то с ними? Кто же я?
А я — француз! А я, как князь
Приеду, так, не торопясь,
И в дом войду его, а там
Всё будет так, как я хочу,
А после, в ночь, по городам
Я ускользну! Я научу
Её не верить дуракам!
Зачем жениться, если можно
Дать незаметно, осторожно
Урок наивнейшей Madame?»

Садится, пишет, но теперь
Уверенно, почти любя:

«Ma chère, я еду. Жди. Поверь,

Я твой жених. Я для тебя
Через границу и моря,
Уверю в том, что всё не зря!
О чём же, право, нам жалеть?
Готов с тобой и помереть,
И жить, и верить без несчастий.
Я скоро. Ты не жди ненастий.
Со мною в жизни будет штиль.
Твой навсегда. Француз Annil.»

Глава 3

Вот утро, солнце бьёт в окно,
Ребята во дворе шумят,
А в комнате ещё темно,
Храп разрывает всё подряд.
Fifi стоит, руками в боки,
Глядит на спящего с тоской.
Храп разносился, как пороки,
Хотя в квартире — день-деньской.
Она решается, подходит,
Трясёт его плечо раз пять:

— «Monsieur! Пора! Уж день уходит!
Вставайте! Хватит уже спать!
Глядите! Утро уж давно,
А вы завесили окно!»

Она стянула одеяло
И удивилась. Что же стало
С костюмом праздничным его!
Он весь измят! Но отчего?
И туфли, кажется, не гнутся.

— «Monsieur! Во что же вам обуться?
Слуга! Несите воду! Срочно!»

Annil всё слышал, и тотчас:

— «Ma chère, прости, я не нарочно.
Я что, уснул? Который час?
Я спал... и, кажется, так сладко...
Ну что ты мелешь? В первый раз
Вдруг слышу, чтоб храпел я гадко...
А ты, Fifi, мне не указ!
Теперь уйди. Минуту. Ну?»

— «Monsieur, я вам не обману!
Скажите честно, без прикрас:
Вы едете или нет? Там вас
Невеста ждёт! А вы — в постели!

Вы лишь за завтрак было сели...
Ну! Что же? Едете? Ответь!
А то невеста у порога
Успеет раньше помереть,
Чем встретить жениха такого!»

Аппи! мычит. Перевернулся,
Накрыв лицо одной рукой.
Взял он стакан — и поперхнулся,
И бьёт в диван босой ногой.
Потом садится, весь растрёпан,
Костюм сильнее лишь измял.
Глядит — вот тут карман заштопан,
Цветок в кармане том завял.
Вот он моргает, трёт затылок,
Зевает в голос, как медведь.

— «Конечно, еду. Без носилок
Доехать б как-нибудь успеть.»

Служанка фыркнула, умолкла,
Пошла к окну, глядит во двор,
А наш француз, потягиваясь долго,
Вдруг начинает разговор:

— «Ну, где карета? Где лошадки?
Я еду всё же не в беде!
Ты приготовь-ка мне палатки,
Лото в дорогу, воду... Где?
Я запишу, что надо взять,
Нам собираться не часы.
В России холодно, опять
Придётся мёрзнуть до красы.»

Fifi стоит, глядит в упор,
Сцепив нагружено ладони:

— «А как поедете? — укор, —
У вас же ни коня в загоне,
Ни лошадей, ни колесницы,
Ни даже старого осла.
Вам разве что нанять возницу,
Да где ж такого, чтоб везла?»

Annil опять схватил пальто,
Потом поставил на комод.

— «Нет лошадей? Да что ж за то
Я деньги тратил целый год?!
Я ж говорил вам: приготовьте
Карету, лошадей, возницу!
Вы что, смеётесь? Вы готовьте
Транспорт, а не небылицу!
А впрочем, вас рассудит Бог...
Ну что ж такое! Я ж не мог
Предусмотреть всего! Я думал,
Что тут, во Франции, всё есть.
А вышло... ой, как всё угрюмо...
Придётся как-нибудь пролезть.»

Служанка всплёрнула руками:

— «Куда?! В карету, иль пешком?
Да вы с какими дураками
Пойдёте-то потом? С мешком?
Ну нет, Monsieur, я не согласна.
Без лошадей вы — как без рук.
Я знаю средство, но опасно,
А выхода не будет вам... Есть друг...»

— «Ma chère, у нас всё как назло!
Ни лошадей, ни даже зла!
Мне и без друга тяжело,
А ты кого-то привезла?
Fifi, вы мне карету дайте!
Или без сна с ума сошли?
Хотите денег — забирайте!
Лишь бы лошадок привезли...»

Fifi смеётся, подошла,
Пальто с комода то взяла,
Надела на него, поправила карман,
И вдруг сказала: «Грубиян.
Карета будет, но теперь,
Чтоб вам в пути не скучно было,
И чтоб открыл вам кто-то дверь,

Я к вам парнишу пригласила».

Она замолкла, повернулась,
Поправила на плечи шаль,
К двери тихонько потянулась,
И скрылась за ней. А жаль.
Anni! один. И будто током
Ударила она в плечо.
Сюртук схватил — и ненароком
Задел подсвечник. Горячо.
Глазами шарит: кто там, кто
Явиться должен? За спиной
Уже мерещится фигура.
Француз теперь был сам не свой.
Парниша? Кто? Откуда? Чей?
Зачем она его звала?
А вдруг он грозный? Иль нищей?
Кого ж в помощники дала?
Он смотрит в дверь. Там тишина.
Никто не входит. У окна
Мелькнула вдруг её фигура.
Она кого-то тащит! Дура!
Anni! вздохнул, глядит в окно.
Там тихо вроде, никого.
Но тут, глуша весь крик ребят,
В его окно стучат, стучат
Фигуры две. Француз узнал
Fifi — та улыбалась простодушно,
А рядом с ней стоял... вассал?
Ну точно! Больно равнодушно
Смотрел в окно, в глаза ему.
Француз стоит, не говорит,
Не понимает, что к чему.
Какой-то парень, странный, длинный,
Во фраке, в шляпе, при усах,
Улыбка... Взгляд его невинный,
Но что-то в нём не то, не так.
Anni! вскочил, но взгляд устал,
Он выбежал к крыльцу.
В огне тревоги чуть не пал,
Споткнувшись о порог, но встал,
Прижавшись к двёрному кольцу.

— «Fifi! Кого ж вы привели?!
Зачем? Я не просил! Уйди!»

А та, не торопясь с дали,
Ему кивнула, мол, «Поди».

— «Monsieur, представьтесь. Это друг.
Он вам поможет перейти.
Он глух, но слышит, если вдруг,
Он слеп, но видит все пути,
Он нем, но скажет, если надо.
Позвольте вас ему везти.
Берите юношу! Награда!
И не собьётесь вы с пути!
Да и потом, я не сказала,

Пред тем, как парня-то найти...
У них карету заказала,

Так что пройдёте полпути...»

А тот стоит, молчит, кивает,
Улыбка добрая, как свет.
Anni! лицо тут закрывает,
Не слышит от Fifi совет.

— «За что, Ma chère?! Он слеп! Он нем!
Улыбка, как у дурака!
Куда мне с ним? Ну всё, совсем
В Россию еду. На века.

Уйдите живо, сударь! Срочно!
Тебя желают видеть? Нет!
Ma chère, он смотрит непорочно,

Как будто знает мой секрет!»

— «Ну, полно, полно так кричать!»

Fifi строга, в глазах — метель:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.